Изд-во жур. „Народный учитель“
Москва, Тверская застава Царскій, 4. Телеф. 3.05.19.

341
В. 51

Р. Ю. Виппер.

ВОЙНА и ДЕМОКРАТІЯ.

Цѣна 40 коп.

1105

МОСКВА.
Тип. «Общественная Польза» Москва, 3-я Твер.-Ям., 34.
1917.

Изд-во жур. «Народный Учитель»
Москва, Тверская застава Царскій, 4. Телеф. 3.05.19.

Р. Ю. Виппер.

341
B.51

ВОЙНА И ДЕМОКРАТІЯ.

1105

МОСКВА.
Тип. «Общественная Польза» Москва, 3-я Твер.-Ям., 34.
1917.

1766
26

Война и демократія.

I

Измученные войной, мы постоянно и постоянно возвращаемся къ однимъ и тѣмъ же вопросамъ: изъ-за чего длится эта небывалая по жестокости, неслыханная по размѣрамъ бойня? Какъ она возникла и чѣмъ она держится?

Существуетъ очень распространенный взглядъ, что война произошла по волѣ и желанію немногихъ опредѣленныхъ лицъ. Сторонники этого взгляда раздѣляются на двѣ части.

Одни, враждебные Германіи (*германофобы*), считаютъ виновниками войны Вильгельма II и окружающую его кучку принцевъ, аристократическихъ генераловъ и крупныхъ артиллерійскихъ заводчиковъ. Другіе, расположенные къ Германіи (*германофилы*), находятъ, что особенной вины на германскомъ правительствѣ нѣтъ. Если Германія начала войну, то это—случайность; вѣдь противники ея, Франція, Англія, Россія, не даромъ заключили между собою союзъ, значитъ и они тоже готовили войну; Германія объявленіемъ войны только предупредила неминуемое для нея напа-

деніе противниковъ. По мнѣнію германофиловъ, ужъ если искать виновниковъ войны, такъ это — крупные капиталисты, особенно банкиры, которые ссужаютъ правительства, и военные поставщики, забирающіе громадные барыши; правительства — жалкія игрушки въ рукахъ денежныхъ людей; жертвы несутъ народныя массы, которыя должны расплачиваться за жадность власть имущихъ и ихъ вдохновителей.

Второе объясненіе мало чѣмъ отличается отъ перваго. Оно тоже сводитъ войну на выдумку и преступленіе ничтожной кучки злодѣевъ. Притомъ оба объясненія приводятъ къ одному и тому же выводу: если войну создала интрига небольшого числа лицъ, то вѣдь не трудно ее прекратить: стоитъ только добраться до зачинщиковъ, раскрыть ихъ заговоръ, разстроить ихъ козни, обнаружить ихъ пріемы, и громадная бойня народовъ окончится.

Спрашивается, однако, могутъ-ли эти объясненія удовлетворить при болѣе вдумчивомъ взглядѣ на дѣло? Развѣ правдоподобно, что въ нынѣшней Европѣ кровожадные богачи способны съ адской силой распоряжаться тупыми податливыми массами? Вѣдь разсуждать такъ, значитъ представлять себѣ современные европейскіе народы чѣмъ-то въ родѣ Средней Азіи эпохи Чингисъ-хана. Вотъ тогда можно было, повидимому, двигать сотни тысячъ людей страшной волей безпощаднаго волшебника. Да и для того времени не надо преувеличивать. Если бы воинственныя орды сами не стремились составить грозную завоевательную силу, никакой колдунъ не могъ бы съ ними справиться. Но допустимъ, что въ ста-

рину вліяніе могущественныхъ людей было сильнѣе. Во всякомъ случаѣ для нынѣшняго вѣка примѣры Аттилы, Карла Великаго, Батыя и другихъ властныхъ вождей, увлекавшихъ массы, неубѣдительны. Недаромъ теперь всеобщее избирательное право притянуло все населеніе къ политикѣ; не даромъ существуетъ ежедневная печать, быстро освѣдомляющая о томъ, что происходитъ на свѣтѣ; не даромъ другъ за другомъ ревниво слѣдятъ партіи. При этихъ условіяхъ возможно-ли напугать или обмануть общественное мнѣніе, можно-ли увлечь массы противъ ихъ воли? Неужели пойдутъ онѣ за непонятными имъ призывами?

На все это сторонники вышеприведеннаго объясненія скажутъ: а все-таки война изобрѣтена небольшой группой лицъ. Видно это изъ того, что между войной и понятіями нашего вѣка существуетъ глубокое противорѣчіе. Вѣдь война—явная безсмыслица именно теперь, когда каждый работникъ на счету, когда всесвѣтный обмѣнъ произведеній труда не допускаетъ остановки! Что за дикая затѣя истреблять драгоцѣнныя силы здоровыхъ людей, уничтожать запасы пищи, одежды и т. д именно теперь, когда такъ размножилось населеніе всюду, когда только трудолюбіемъ и предусмотрительностью можетъ прожить человѣческая масса! Что за жестокость посылать въ бойню милліоны, когда смягчились нравы, когда не только смертную казнь, но и тѣлесное наказаніе нашъ вѣкъ не можетъ стерпѣть!

Ясно, что только немногіе хищники и бездѣльники, сидящіе вдалекѣ отъ кровопролитія въ

своихъ виллахъ и дворцахъ, способны равнодушно взирать на истребленіе и калѣченіе милліоновъ. Народу, демократіи, пролетаріямъ война глубоко ненавистна. Люди труда цѣнятъ высоко личность человѣка, его жизнь и здоровье. Они несутъ съ собою начала мира и братства, которыя отвѣчаютъ дѣятельной и благожелательной ихъ природѣ. Трудовыя массы не виноваты въ томъ, что верхи общества не созрѣли для такого согласнаго и разумнаго быта. Къ сожалѣнію, еще не исчезли черты стараго грубаго воинственнаго вѣка. Нынѣшняя война — остатокъ прежней дикости. Она произошла оттого, что человѣчество въ цѣломъ еще не сознало всей нелѣпости взаимнаго истребленія. Она произошла оттого, что вопреки настроенію большинства, нашлись ловкіе люди, которые съумѣли использовать темныя чувства въ массахъ; эти злонамѣренные вожди напустили напіи другъ противъ друга.

Но уже близко торжество новыхъ началъ, противоположныхъ войнѣ: таковы чувства взаимной связи трудящихся, таковы благородныя усилія мирной работы, таковы изобрѣтенія, направленныя къ улучшенію человѣческаго быта. Эти начала вступятъ въ силу, когда народы будутъ дѣйствительно призваны къ самостоятельной жизни, когда демократія будетъ не на словахъ только, а и на дѣлѣ.

Картина будущаго заманчивая, ослѣпительно красивая! Спрашивается только, достаточно-ли основаній въ нее вѣрить?

II.

Прежде всего, вѣрно-ли, что проповѣдь всеобщаго мира возникла впервые въ наше время? вѣрно-ли, что народы только теперь пришли къ сознанію нелѣпости войны?

Заглядывая въ прошлое, мы видимъ, что проповѣдь мира раздавалась во всѣ вѣка. Всегда люди готовы были отдаваться надеждамъ на конецъ войнъ. Время отъ времени выступали ученые, писатели, проповѣдники, дипломаты, которые предлагали наилучшій способъ замиренія человѣчества. Нерѣдко такой планъ всеобщаго братства народовъ появлялся какъ разъ въ самый разгаръ какой-нибудь жестокой войны.

Мы не будемъ сейчасъ заходить очень далеко въ глубь исторіи, а остановимся на эпохѣ, отстоящей отъ насъ приблизительно на полтораста лѣтъ. Во второй половинѣ XVIII вѣка, до наступленія великой французской революціи, во всѣхъ большихъ государствахъ Европы, кромѣ Англіи, господствовало самодержавіе: народнаго представительства не было, къ голосу націи не обращались, свободы слова и совѣсти не существовало, всѣ дѣла, касавшіяся благосостоянія и просвѣщенія народа рѣшались въ 4 стѣнахъ министерскихъ кабинетовъ.

Государства находились въ частыхъ войнахъ между собою. Англія воевала съ Франціей изъ-за колоній въ Америкѣ и въ Азіи. Промышленную и населенную Бельгію, принадлежавшую Австріи, оспаривала у послѣдней Франція. Въ свою чередь противъ Австріи ожесточенно сражалась Пруссія, которая тогда только что стала подниматься. По временамъ въ европейскіе споры вступалась Россія; будучи другомъ Австріи, она посылала свои войска то противъ Франціи, то противъ Пруссіи. Россія, Австрія и Пруссія зарились на три большія разстроенныя государства, Швецію, Польшу и Турцію, и растаскивали эти ветхія строенія по частямъ.

Неутѣшительное зрѣлище войнъ заставляло лучшіе умы задумываться надъ вопросомъ: какъ излечать Европу отъ безконечныхъ споровъ и кровопролитій? Въ этотъ вѣкъ ученые и писатели разныхъ странъ составляли какъ бы *международный союзъ просвѣтителей*; они вѣрили, что ихъ соединеніе служитъ прообразомъ будущаго строя, что наилучшій путь къ миру и есть установленіе общеевропейской республики; должно провозгласить самостоятельность націй; освобожденные народы сами придутъ къ всеобщему братству.

Вотъ, напримѣръ, какъ разсуждаетъ Гердеръ, изслѣдователь народныхъ пѣсенъ, историкъ и проповѣдникъ, которому приходилось жить и работать въ тогдашней раздробленной, лишенной единства и свободы Германіи. „Что нужно для жизни націи? Нужна благородная гордость въ сознаніи, что никто извнѣ не вмѣшается въ ея устроеніе, что она сама себя устроитъ“. Освобождающейся націи не придется вести войны

отмщенія, не придется даже отбиваться, если сосѣднія съ нею націи захотятъ такой же свободы. Какъ только въ политикѣ будетъ признано право націй на самоопредѣленіе, это послужитъ концомъ всякихъ войнъ, потому что войны возникаютъ только изъ тщеславія и интригантства кабинетовъ. „Кабинеты могутъ обманывать другъ друга! политическія машины можно надвигать другъ на друга, пока одна не сломитъ другую. То, что люди зовутъ родиной, отечествомъ, не ополчается на другую родину; онѣ спокойно располагаются рядомъ, и какъ близкія семьи, помогаютъ другъ другу. Родина противъ родины въ кровавой борьбѣ — да вѣдь это злѣйшее искаженіе человѣческаго языка!“.

Какъ ни трогательна вѣра Гердера въ благородство народныхъ массъ, его предсказаніе не оправдалось вовсе! Освобожденіе націй сопровождалось войнами, которыя по своему ожесточенію превзошли всѣ предшествующія. Та нація, которой впервые въ Европѣ удалось добиться свободы, французская, должна была отчаянно отбиваться отъ сосѣдей, да и внутри Франціи не мало было пролито крови за свободу и объединеніе народа. Когда же французы принесли въ другія страны свои новыя понятія о равенствѣ правъ и свободѣ мысли, германцы, испанцы, итальянцы, голландцы и швейцарцы не захотѣли вступать въ мирное общеніе съ Франціей и подчиняться французской имперіи Наполеона. Начались войны за права націй, которыя затянулись, вслѣдъ за низверженіемъ Наполеона, болѣе чѣмъ на полвѣка.

Несмотря на то, что свобода націй рождалась

среди кровавой борьбы, въ Европѣ опять возобновились надежды на установленіе всеобщаго мира. Интересно, что на этотъ разъ, въ первой половинѣ XIX в., о грядущемъ мирѣ толковали люди совсѣмъ не мечтательнаго склада: проповѣдь общаго замиренія исходила отъ фабрикантовъ и торговцевъ Англіи, которая выдавалась тогда своими машинами и быстрымъ дешевымъ производствомъ. Промышленность дѣлала новые и новые шаги впередъ; обмѣнъ усиливался благодаря примѣненію паровой двигательной силы, постройкѣ желѣзныхъ дорогъ и развитію пароходства. Подъ впечатлѣніемъ этихъ успѣховъ, промышленники, люди трезвые и расчетливые, увѣряли, что пришло наконецъ ихъ время; кончилась пора дворянскихъ и монархическихъ „войнъ роскоши", которыя были задорнымъ исканіемъ приключеній или грубымъ захватомъ. Простая выгода подсказываетъ необходимость непрерывныхъ мирныхъ сношеній. Когда обширныя массы снабжаются питаніемъ изъ отдаленныхъ краевъ, когда ни одна страна не можетъ обойтись безъ океанической торговли, что за безсмыслица война! Ясно, что въ жизни человѣчества наступаетъ великая перемѣна: *воинственный* вѣкъ замѣняется *торгово промышленнымъ*. Мѣсто разточительныхъ рыцарей призваны занять скромные дѣловые люди. Война исчезаетъ уже потому, что она неэкономна и не отвѣчаетъ правиламъ жизни промышленнаго вѣка.

Эти ожиданія коммерческихъ людей такъ же мало оправдались, какъ вѣра Гердера въ миролюбіе освобождаемыхъ націй. И такъ же, какъ преувеличенныя надежды просвѣтителей сопро-

вождались особенно жестокими столкновеніями народовъ, и теперь промышленный вѣкъ увидѣлъ взрывъ озлобленнаго соперничества. Давно въ Европѣ не происходило такихъ кровопролитныхъ сраженій, какъ въ тѣхъ пяти войнахъ, которыя понадобились для объединенія двухъ націй, итальянской и германской. Войны эти разыгрались на протяженіи всего 12 лѣтъ (1859—1871 гг.); онѣ замѣчательны тѣмъ, что впервые въ нихъ стали примѣнять, кромѣ дѣйствующей арміи, еще запасныхъ; такимъ образомъ появилась подъ ружьемъ милліонная военная громада, тогда какъ раньше уже армія въ 200.000 считалась тяжкимъ обремененіемъ государства.

О томъ, чтобы соблюдать взаимныя торговыя выгоды между народами никто не думалъ. Напротивъ каждое государство старалось забрать себѣ побольше барышей, а сосѣдей поставить въ худшее положеніе. Когда Германія одолѣла Францію въ войнѣ 1870 — 71 года, съ побѣжденной страны рѣшили взять огромную контрибуцію не для того только, чтобы вознаградить себя, но и для того, чтобы разорить въ конецъ соперника.

И опять среди озлобленія націй и государствъ поднялись новые проповѣдники всеобщаго мира. Это были соціалисты, которые во время національныхъ войнъ, въ 60-хъ годахъ XIX вѣка, впервые стали собираться на съѣзды *Интернаціонала* (т. е. международнаго общества рабочихъ-соціалистовъ). Такъ же какъ просвѣтители XVIII в. мечтали въ духѣ своего международнаго союза, и соціалисты судили по своимъ съѣздамъ: развѣ общество людей труда всѣхъ странъ не служитъ наглядным доказательствомъ будущаго

братства народовъ? развѣ не показываетъ Интернаціоналъ, что вполнѣ возможна всечеловѣческая республика безъ различія племенъ и классовъ?

Самымъ вліятельнымъ участниковъ Интернаціонала былъ Карлъ Марксъ, геніальный ученый, который взялся собрать всѣ данныя науки для оправданія требованій соціалистовъ. Марксъ возобновляетъ тѣ упреки, которые въ свое время дѣлали промышленники правителямъ государства и праднымъ классамъ общества; но онъ обращаетъ обвиненія противъ самихъ обвинителей. Теперь міровое хозяйство перешло въ руки капиталистовъ, или крупной буржуазіи. Ихъ пріемы, по мнѣнію ученаго соціалиста, конечно, и шире, и умнѣе, и толковѣе, чѣмъ въ свое время было хозяйничанье великосвѣтскихъ министровъ и облѣплявшихъ дворъ бездѣльниковъ; но все-таки и буржуазія не бережетъ народныхъ силъ, и она гонится за грубой наживой. Поэтому капиталисты виноваты въ *промышленныхъ кризисахъ*, т. е. въ остановкахъ сбыта, сопровождаемыхъ закрытіемъ фабрикъ и расщущеніемъ рабочихъ. Кризисы происходятъ именно отъ жадности капиталистовъ, отъ поспѣшности ихъ дѣйствій они не умѣютъ и не хотятъ столковаться между собой, у нихъ преобладаетъ личный интересъ надъ общественнымъ. Они все строятъ на соперничествѣ вмѣсто того чтобы придти къ общей согласной организаціи. Велѣдствіе этого хозяйничанье капиталистовъ на свѣтѣ составляетъ непрерывную войну.

Столкновенія и войны, по мнѣнію Маркса, замѣнятся всеобщимъ миромъ лишь, когда капиталисты уступятъ свое мѣсто рабочимъ, и когда

трудовые классы всѣхъ странъ уговорятся относительно обмѣна товаровъ. Эта увѣренность громко высказывалась соціалистами на конгрессахъ (т. е. съѣздахъ) Интернаціонала. Одно время Интернаціоналъ разстроился; съ 1872 года конгрессы соціалистовъ прекратились. Когда собранія Интернаціонала удалось возобновить въ 1889 г., опять зазвучала тѣже призывы къ международному братству рабочихъ; опять стали провозглашать близкое прекращеніе всѣхъ войнъ.

Итакъ, мы видимъ, что издавна чуть не каждое новое поколѣніе поднимаетъ жалобу на воинственность своего вѣка и обѣщаетъ скорое замиреніе. Въ этихъ жалобахъ повторяются почти однѣ и тѣже мысли.

Просвѣтителя конца XVIII вѣка винили въ воинственности правительства и оправдывали народы. Промышленные предприниматели первой половины XIX в., находили слишкомъ воинственнымъ старое дворянство и ожидали мира отъ торжества коммерсантовъ. Соціалисты второй половины XIX вѣка въ свою очередь считали капиталистовъ виновниками столкновеній и лелѣяли надежды на миролюбіе грядущей демократіи рабочихъ.

И затѣмъ какъ нарочно, всякій разъ послѣ горячей проповѣди общаго замиренія, слѣдовалъ новый взрывъ воинственности За предсказаніями просвѣтителей — наполеоновскія войны начала XIX в., за расчетами коммерсантовъ національныя войны середины XIX в., за мечтами соціалистовъ, собиравшихся въ Интернаціоналѣ, колоссальная война 1914 года.

Что же это значитъ? Отчего вновь нарастаю-

щія поколѣнія находили своихъ предшественниковъ слишкомъ воинственными и сами не замѣчали собственнаго ожесточенія? Затѣмъ, можно-ли намъ вѣрить въ предстоящее наступленіе всеобщаго мира, если всѣ предшествующія предсказанія оказались ошибочными? И наконецъ, самое главное, что́ же въ дѣйствительности возрастаетъ въ свѣтѣ, миролюбіе или воинственность?

III

Необходимо намъ разобраться въ событіяхъ европейской исторіи для того, чтобы видѣть, какъ возникаютъ войны, какіе интересы охватываютъ онѣ собою. Растетъ ли кругъ лицъ, увлекаемыхъ войной или уменьшается?

Прежде всего историкъ долженъ отвергнуть одинъ очень распространенный предразсудокъ. Обыкновенно считаютъ, что въ старину или, какъ часто говорятъ, въ *феодальныя времена*, народныя массы были очень безпокойны, непоѣдливы, драчливы; что напротивъ въ Новое время, по мѣрѣ развитія обмѣна, обширные слои народа начали сознавать необходимость спокойной обстановки для работы, а слѣд. стали больше цѣнить миръ. Историкъ скажетъ, что не надо преувеличивать безпокойство и воинственность феодальнаго времени. Чаще всего, войны стариннаго вѣка составляли исключенія и озорство небольшой кучки незанятыхъ людей, которые были воителями по своему промыслу. Громадное большинство населенія вело, напротивъ, жизнь удивительно устойчивую, не отступая отъ стародавнихъ унаслѣдованныхъ обычаевъ. Правда, человѣкъ вслѣдствіе слабости въ наукахъ, больше терпѣлъ отъ болѣзней и голодовокъ, отъ бѣдствій природныхъ и случайныхъ; но въ своемъ жизненномъ укладѣ онъ испытывалъ мало

превратностей: занятіе, мастерство и заработокъ переходили по наслѣдству; меньше приходилось биться и выдумывать, не было колебаній между преувеличенными надеждами и отчаяніемъ.

Иное дѣло — Новое время, когда Европа внезапно расширилась, и европейцы перекинулись за океанъ. Съ увеличеніемъ богатства и обмѣна появилась жажда прибыли, стала наростать жадность во всѣхъ слояхъ народа. Множество людей, сдвинутыхъ со своихъ отцовскихъ, тихихъ мѣстъ, становятся по неволѣ безпокойными, нервными, проникаются страхомъ неизвѣстности, пріобрѣтаютъ складку сухой безпощадности къ ближнему, или, какъ мы говоримъ, дѣлаются *матеріалистами*. Создается гораздо больше поводовъ для столкновеній, ставки войнъ дѣлаются все крупнѣе и крупнѣе. Вотъ почему Новая исторія —свидѣтельница такихъ упорныхъ и обширныхъ войнъ, о которыхъ и помину не было въ старину.

Перемѣны эти, разумѣется, произошли не сразу. Не скоро подался старый крѣпкій укладъ жизни. Первое время и въ Новой исторіи войны, торговые захваты на морѣ — дѣло немногихъ смѣльчаковъ и разбойниковъ. Приглядѣмся немного къ внѣшнимъ предпріятіямъ англичанъ, начиная съ ихъ знаменитой королевы Елизаветы, современницы Ивана Грознаго (во второй половинѣ XVI вѣка).

На небольшихъ парусныхъ судахъ отправлялись въ океанъ отчаянные люди, отчасти злодѣи и грабители, которыхъ ждала тюрьма и висѣлица они старались отбить у испанцевъ большіе корабли съ грузами перца, корицы и гвоздики, мѣд-

ленно ѣхавшіе кругомъ Африки изъ далекой Восточной Индіи; еще больше занимало ихъ подстеречь *серебряный флотъ*, который разъ въ три года пересѣкалъ Атлантическій океанъ, подвозя богатства южно-американскихъ рудниковъ къ берегамъ Испаніи. Англійскимъ морскимъ разбойникамъ, разумѣется, мало было забрать добычу, вся суть заключалась въ выгодной ея продажѣ. Заранѣе барыша ожидаемаго грабежа распредѣлялись между дольщиками, которые въ свою очередь ссужали разбойныхъ капитановъ для снаряженія судовъ; и вотъ въ Англіи разсказывали, что сама блистательная королева Елизавета была тайно записана среди участниковъ выгодныхъ, но нехорошихъ предпріятій.

Отъ всѣхъ этихъ дѣлъ стоитъ въ сторонѣ масса народа, и зажиточные обыватели, и образованные люди, и крестьяне, и ремесленники. Вьются и гоняются за торговыми выгодами какія-то безпокойныя натуры, не то геніальные изобрѣтатели, не то преступники. Мы можемъ судить о нихъ по нашему Ермаку Тимофееву, покорителю Сибири: вѣдь онъ какъ разъ изъ бѣглаго, преслѣдуемаго разбойника превратился въ счастливаго завоевателя богатѣйшаго края.

Постепенно, однако, тихіе, спокойно сидѣвшіе на мѣстахъ помѣщики, ремесленники, лавочники, священники, учителя, врачи и т. д., входятъ во вкусъ заморскихъ предпріятій. Смотришь, иной богатый человѣкъ, который на парадныхъ обѣдахъ любилъ выставлять напоказъ свою золотую и серебряную посуду, продаетъ ненужныя драгоцѣнности и вступаетъ пайщикомъ въ *Ость-индскую Компанію*; это значитъ, онъ вкладываетъ свою долю

въ союзъ торговцевъ, вывозящихъ товары изъ Дальняго Востока; онъ будетъ получать теперь со своего капитала немалые проценты. А что дѣлаетъ Остъ-индская компанія? — Между прочимъ покупаетъ въ Индостанѣ крашенные ситцы, которыхъ не умѣютъ еще дѣлать въ Европѣ, привозитъ моремъ и продаетъ модницамъ при дворѣ и въ высшемъ обществѣ, продаетъ выгодно, потому что пестрыя индѣйскія матеріи — предметъ роскоши. Скупается товаръ у мѣстныхъ индѣйскихъ князьковъ, и если кто изъ нихъ заупрямится, компанія присылаетъ для укрощенія отрядъ наемныхъ солдатъ.

Правительство попрежнему въ сторонѣ отъ этихъ торговыхъ дѣлъ, а между тѣмъ компанія уже распоряжается въ очень обширномъ размѣрѣ, завладѣваетъ шагъ за шагомъ богатой и населенной азіатской страной; у компаніи на службѣ множество агентовъ, конторщиковъ, приказчиковъ, командировъ, капитановъ, словомъ цѣлый штатъ, точно она составляетъ особое государство.

Скоро въ дѣла иностранной торговли затягивается еще одинъ разрядъ обывателей. Такъ какъ крашенные ситцы раскупаются очень быстро, изобрѣтательные люди начинаютъ изготовлять товаръ въ самой Англіи, первое время въ видѣ полдѣлки, потомъ вполнѣ открыто. Остъ-индская компанія получаетъ новую выгоду: она беретъ на себя доставку изъ Индіи хлопка.

Ситцы, миткали и т. д. вызываютъ негодованіе изготовителей полотна, которые считаютъ себя стариннымъ честнымъ ремесломъ Англіи. Они жалуются правительству на новое богопротивное дѣло, просятъ сократить или даже запре-

тить выдѣлку бумажныхъ матерій. Случалось, что обиженные ремесленники на улицѣ срывали съ прохожихъ ситцевыя платья и рвали ихъ въ клочья. А все-таки новый промыселъ дѣлалъ свое дѣло, и къ нему приставали все новые разряды людей, бросавшіе прежніе менѣе выгодные заработки.

Между тѣмъ англійская Остъ-индская компанія имѣла соперника въ лицѣ такой же французской компаніи; командиры отрядовъ, нанятыхъ купцами той и другой страны, встрѣчались между собою враждебно, и дѣло стало доходить до крупныхъ столкновеній. Тогда и правительства нашли необходимымъ вступиться за торговцевъ, разъ они пріобрѣтали столько выгодъ странѣ. Англійскій министръ военныхъ и морскихъ дѣлъ Уильямъ Питтъ, современникъ императрицы Елизаветы Петровны, повелъ дѣло очень искусно, чтобы вытѣснить французовъ изъ Индостана и изъ Америки, гдѣ Франція заняла обширную и хлѣбородную область Канаду.

Чтобы отвлечь силы и вниманіе Франціи, онъ двинулъ на нее въ самой Европѣ хищную и воинственную Пруссію. Такъ какъ у прусскаго короля было войско, но не было денегъ, Питтъ взялъ его на свое иждивеніе, платилъ ему въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ субсидію, т. е. содержалъ его войско.

Откуда у Питта брались такія крупныя средства? Тогда податей и налоговъ собирали гораздо меньше, а на единовременный взносъ, требуемый войной, и въ наше время не хватаетъ достаточныхъ суммъ, надо дѣлать займы. Питтъ уже тогда, болѣе 150 лѣтъ тому назадъ, располагалъ замѣчательнымъ средствомъ для заключенія зай-

мовъ: онъ могъ брать ссуду у Лондонскаго банка, а Лондонскій банкъ составлялъ въ то время единственное учрежденіе въ своемъ родѣ. Выпуская бумаги, обезпеченныя правительствомъ, банкъ притягивалъ суммы, за которыя покупателямъ бумагъ и вкладчикамъ выдавалъ хорошіе проценты. Его ссуды правительству составляли *національный долгъ*; по мѣрѣ того, какъ военныя предпріятія становились шире, наросталъ и долгъ. Онъ заслуживаетъ имени національнаго, потому что черезъ посредство банка, въ ссудѣ принимало участіе множество народа всякаго званія и состоянія: покупали банковскія бумаги и многіе мелкіе сберегатели.

Прежнее время не знало такого вида пользованія своими сбереженіями. Надо сказать, что общество втягивалось во внѣшнюю завоевательную политику, въ займы и ссуды правительству не безъ усилій, можно сказать, не безъ душевной боли. Долгое время участіе въ новыхъ видахъ видахъ наживы казалось дѣломъ нехорошимъ, непокойнымъ для совѣсти. Старики ворчали на молодыхъ за нравственную неразборчивость и осуждали участіе въ банковскихъ дѣлахъ приблизительно, какъ теперь у насъ осуждаютъ игру на биржѣ.

Но все, что разъ завелось въ промышленной жизни, не только не исчезало, а принимало все болѣе широкій видъ. Росли захваты товаровъ и земель за моремъ, росли барыши въ заморской торговлѣ, росли фабрики, обрабатывавшія привозное сырье, хлопокъ, росли ссуды на правительственныя предпріятія, росли выгоды сберегателей и вкладчиковъ банка. Интересы всей этой

массы людей скрѣплялись все больше вокругъ крупныхъ дѣлъ, которое затѣвало государство, или которыя государство поощряло.

Въ обществѣ стали говорить все чаще и чаще о національныхъ интересахъ, о національныхъ владѣніяхъ и пріобрѣтеніяхъ. Уильямъ Питтъ, человѣкъ высокомѣрный и самоувѣренный, умѣлъ придавать своимъ планамъ размашистый, патріотическій характеръ; однажды онъ наполовину въ шутку, сказалъ: „послѣдній лондонскій нищій привыкъ разсуждать о *нашихъ* заморскихъ владѣніяхъ". Въ этихъ словахъ было преувеличеніе, но ужъ не такое большое. Если не послѣдній нищій, то очень многіе мелкіе обыватели горячо спорили о политикѣ, о войнѣ и мирѣ, о томъ, нужно-ли пріобрѣтать такую-то колонію или нѣтъ. Не изъ одного праздная любопытства волновались они по поводу такихъ, казалось, отдаленныхъ отъ Англіи дѣлъ. Нѣтъ, задѣты были ихъ кровные интересы: для однихъ успѣхъ индѣйскихъ и американскихъ предпріятій означалъ полученіе ихъ единственнаго заработка, для другихъ полученіе дохода со своихъ сбереженій, для третьихъ—прибыль со всего вложеннаго въ оборотъ капитала.

То, что мы видимъ на примѣрѣ Англіи, страны передовой, испытавшей многое раньше другихъ, поучительно вообще. Сначала *внѣшняя политика*, т.-е. дѣла заморской торговли, пріобрѣтенія чужихъ товаровъ, а также связанныя съ этими дѣлами войны, интересуетъ немногихъ въ странѣ. Кажется, даже, что большинство населенія осуждаетъ слишкомъ смѣлыя выходки отчаянныхъ искателей приключеній, а иные считаютъ ихъ

поступки нечестной, богопротивной наживой. Но чѣмъ дальше, тѣмъ больше втягивается людей разнаго званія въ заморскія предпріятія: въ странѣ возникаютъ новые промыслы, которые обрабатываютъ исключительно подвозимый изъ далека матеріалъ. Все больше и больше богатства даютъ разнымъ слоямъ народа внѣшнія сношенія; правительство начинаетъ теперь прямо поддерживать всѣ иностранныя предпріятія, а этимъ способомъ вовлекаетъ все новые и новые разряды людей во внѣшнюю политику.

Торговля и войны становятся національнымъ дѣломъ. Вотъ когда народилась *нація*, т.-е. большое соединеніе интересовъ множества людей, живущихъ въ одной странѣ, говорящихъ однимъ языкомъ, признающихъ одно правительство.

IV.

Скоро національный интересъ пробуждается и въ другихъ странахъ Европы, прежде всего въ сосѣднихъ съ Англіей, Голландіи и Франціи. Не трудно видѣть, каковы послѣдствія этой перемѣны для дѣла войны и мира между европейскими народами. Искатели богатствъ сталкиваются въ однихъ и тѣхъ же заморскихъ странахъ, и такъ какъ ихъ дружины, ихъ компаніи становятся все крупнѣе, то и споры ихъ дѣлаются ожесточеннѣе. Поэтому съ образованіемъ націй въ Европѣ, войны пріобрѣтаютъ болѣе обширный и болѣе упорный характеръ.

Не всѣ согласны съ только что высказанной мыслью. Намъ будутъ возражать послѣдователи Маркса, ученіе котораго о близости всеобщаго мира мы уже знаемъ. Они скажутъ: вѣрно, что разрастается жадность высшихъ и среднихъ классовъ общества; поэтому появленіе національнаго интереса — не общенародное дѣло, а прихоть и нажива дворянства и буржуазіи. Масса народа остается чуждой всѣмъ предпріятіямъ, связаннымъ съ расширеніемъ державы. Весь рабочій пролетаріатъ безразличенъ къ захватамъ колоній, къ выгодамъ торговыхъ договоровъ. Какая забота, напримѣръ, была жалкому прядильщику на бумажной фабрикѣ или рудокопу, добываю-

щему уголь, или носильщику въ портѣ, какая имъ была забота, выгонитъ Англія французовъ изъ Индостана или предоставитъ имъ это золотое дно?

На это можно отвѣтить, что если дѣло идетъ о нищемъ, о человѣкѣ, совершенно задавленномъ нуждой, который не можетъ и семьи прокормить, то, конечно, у него не существуетъ интереса ни къ внѣшней политикѣ, ни къ національному дѣлу. Но вѣдь у такихъ несчастныхъ, голодающихъ и погибающихъ людей не существуетъ интереса и къ внутреннимъ дѣламъ страны. Нельзя злоупотреблять словомъ и понятіемъ „пролетаріатъ“. Нельзя считать всѣхъ пролетаріевъ неимущими и только неимущими. Пролетарій можетъ и порядочно, и очень хорошо зарабатывать. Основной признакъ его положенія — не въ томъ, что у него нѣтъ никакихъ средствъ существованія, а въ томъ, что онъ зависитъ отъ чужого предпріятія, отъ посторонняго капитала. Пролетарій не имѣетъ своего капитала, своего мастерства, своего дома, своей земли; онъ—наемникъ въ чужомъ дѣлѣ, въ которое онъ не вкладываетъ средствъ, онъ не обладаетъ *орудіями производства*.

Когда мы говоримъ, что пролетарій прямо не заинтересованъ въ предпріятіи, гдѣ служитъ, напримѣръ, въ такой-то бумаго-прядильной фабрикѣ, то это значитъ только, что, не будучи хозяиномъ или пайщикомъ дѣла, онъ легко можетъ перейти въ другое подобное же предпріятіе. Но это не значитъ, что прядильщикъ не заинтересованъ въ хлопчато бумажномъ дѣлѣ вообще. Совсѣмъ нельзя сказать, что его не затрогиваютъ вопросы подвоза хлопка и сбыта пряжи, что ему

не важно, какія цѣны стоятъ на эти товары, что ему безразлично, гдѣ на свѣтѣ наибольшій спросъ на произведенія его промысла и т. п.

Нѣтъ, тамъ, гдѣ рабочій достигъ сознательности, онъ очень чутко и внимательно относится ко всѣму, что связано съ внѣшней политикой страны. Весьма интересно наблюдать въ этомъ отношеніи англійскихъ рабочихъ, наиболѣе самостоятельныхъ и умственно развитыхъ. Представители разныхъ видовъ промышленности очень различаются между собою во взглядахъ, и по этимъ различіямъ видно, какъ хорошо каждый понимаетъ зависимость своего производства отъ оборота иностранныхъ дѣлъ.

Такое различіе во взглядахъ можно было замѣтить незадолго до войны между двумя промышленными городами, Бирмингамомъ и Манчестеромъ. Надо имѣть въ виду, что Бирмингамъ обрабатываетъ желѣзо, Манчестеръ выдѣлываетъ пряжу и бумажныя матеріи; Бирмингамъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи матеріалъ, добываемый въ самой Англіи, Манчестеръ исключительно зависитъ отъ подвоза хлопка, такъ какъ въ Англіи сырой и холодный климатъ не позволяетъ произрастать хлопчатнику. Вслѣдствіе этой разницы въ условіяхъ производства, и предприниматели, и рабочіе двухъ городовъ разно смотрѣли на такой вопросъ: слѣдуетъ-ли облагать пошлинами товары, ввозимые въ Англію, или должно оставить ихъ свободными отъ пошлинъ, какъ было до сихъ поръ въ англійской политикѣ?

Манчестеръ стоялъ за *свободную торговлю*, т.-е. чтобы пошлинъ не было. Участникамъ бумажнаго дѣла казалось нужнымъ облегчить для посторон-

нихъ ввозъ въ Англію хлопка, а кромѣ того, хлѣба и другихъ предметовъ первой необходимости, которыхъ въ Англіи нѣтъ. При свободной торговлѣ, думали они, въ самой Англіи будутъ недорогія цѣны на припасы и на главный матеріалъ манчестерской работы; тогда бумажникамъ легче будетъ въ свою очередь продать заграницей изготовленный ими товаръ. Безпошлинный ввозъ предметовъ въ Англію послужитъ главной приманкой для иностранныхъ производителей, чтобы они больше ввозили и дешевле продавали англичанамъ. Въ свою очередь это облегченіе—главное средство для англичанъ добиться выгодныхъ условій при продажѣ своихъ товаровъ въ иноземныхъ краяхъ. Манчестеръ еще потому не зарился на пошлины, что онъ не привыкъ опасаться соперниковъ въ бумажномъ дѣлѣ: долгое время въ его распоряженіи было больше половины всѣхъ прядильныхъ веретенъ въ мірѣ.

Иначе смотрѣли на дѣло въ Бирмингамѣ. Представителямъ желѣзодѣлательнаго и сталелитейнаго дѣла нечего было ухаживать за иностранцами: желѣзной руды сколько угодно въ Англіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ очень достаточно и своего угля, безъ котораго не можетъ быть обработки желѣза. Значитъ бирмингамцы могли довольно равнодушно относиться къ вопросу, вводить или не вводить пошлины. Но вотъ съ конца XIX вѣка прибавилось обстоятельство, которое заставило Бирмингамъ насторожиться: въ Англіи появились желѣзныя и стальныя издѣлія германской работы; германскіе заводы едѣлались соперниками англійскихъ и не только за границей, но и въ самой Англіи. Въ Бирмингамѣ приходятъ

къ той мысли, что надо оградить сбытъ англійскихъ заводовъ отъ наплыва чужихъ товаровъ, или иначе ввести *покровительственныя* пошлины на ввозное желѣзо и сталь (покровительство своему производству называется на многихъ западно-европейскихъ языкахъ *протекціонизмомъ*, свободная безпошлинная торговля, по англійски,— *фри трэдъ*).

Въ политикѣ всѣ вопросы тѣсно связаны, и нельзя, напр., интересоваться только пошлинами, а остальнымъ пренебрегать. Большею частью тѣ, кто были за свободную торговлю, вѣрили въ возможность мирныхъ сношеній между народами. Кто соглашался на покровительственныя пошлины, слѣд. кто не боялся раздражить иностранцевъ, готовъ былъ, въ случаѣ чего, и воевать. Такъ что, можно сказать, безпошлинники были миролюбивы, а пошлинники – воинолюбивы.

Особенно замѣтно эта послѣдняя черта отразилась въ дѣятельности бирмингамскаго милліонера Чемберлэна, сдѣлавшагося въ концѣ XIX в. министромъ колоній (т.-е. заморскихъ владѣній) Англіи. Чемберлэнъ сталъ хлопотать о томъ, чтобы владѣнія Англіи, разсѣянныя по всѣмъ материкамъ, окружить стѣной пошлинъ отъ остального міра. Онъ же вовлекъ Англію въ войну съ бурами, т. е. независимыми голландскими скотоводами южной Африки для того, чтобы отобрать у нихъ богатые золотые рудники. При Чемберлэнѣ усилилась въ Англіи политика *имперіализма*, т.-е. широкихъ захватовъ за предѣлами своихъ прежнихъ владѣній. Надо имѣть въ виду, что политику Чемберлэна поддерживали всѣ слои Бирмингама, и хозяева, и рабочіе, а политика эта,

какъ сказано было, началась съ требованія покровительственныхъ пошлинъ.

Мы видимъ: никакъ нельзя сказать, что сознательные рабочіе вообще безусловные противники войны. Нѣтъ, все зависитъ отъ характера промысла, отъ его положенія на свѣтѣ. Затѣмъ, много значатъ окружающія условія, поведеніе сосѣдей и соперниковъ. Англійскіе рабочіе въ большинствѣ долго придерживались понятія свободной торговли и были противниками войны. Ихъ нерасположеніе къ войнѣ составляло главную причину, почему въ Англіи нельзя было ввести всеобщую воинскую повинность. Но въ этомъ дѣлѣ все перемѣнила война 1914 года.

До тѣхъ поръ въ Англіи считали невозможной высадку врага на островѣ; оттого сохраняли прежній военный порядокъ и держали небольшую двухсотъ-тысячную армію наемниковъ. Но когда германцы въ началѣ войны быстро заняли Бельгію и сѣверную Францію и стали готовиться къ переправѣ черезъ узкій каналъ, отдѣляющій Англію отъ материка, англичане сразу отказались отъ своей вѣры въ безопасность островного положенія. Всѣмъ стало ясно, что только отправкой крупнѣйшей арміи на материкъ и вооруженіемъ всей страны можно спасти родину. Отсюда—необходимость немедленнаго призыва всѣхъ способныхъ носить оружіе. Введеніе общей воинской повинности было немыслимо безъ согласія большинства англійскихъ рабочихъ; для нихъ же это былъ переворотъ всего міровоззрѣнія.

V.

Введеніе всеобщей воинской повинности въ разныхъ странахъ составляетъ вообще великую перемѣну настроенія европейскихъ народовъ: главный смыслъ ея въ томъ, что въ широкихъ слояхъ населенія нарастаетъ воинственность. Приглядимся немного, какъ появляется всеобщая воинская повинность.

Мы уже видѣли, что въ старину войнѣ отдавались сравнительно немногіе любители и охотники опаснаго дѣла. Солдаты были такими же спеціалистами, какъ плотники, кузнецы и т. п.. и посвящали себя военному ремеслу на всю жизнь. Крестьянъ, ремесленниковъ, купечество, людей съ образованіемъ почти невозможно было узлечь на войну. Арміи были невелики, и набирать ихъ стоило не мало труда: и казны не хватало у правительствъ для ихъ содержанія, и средствъ принужденія, чтобы заставить идти на войну толпы народа. Съ другой стороны, и поводовъ не было такъ жестоко драться: у однихъ не имѣлось охоты нападать, у другихъ — нужды защищаться.

Въ Новое время замѣтна существенная перемѣна. Одинъ изъ первыхъ случаевъ, когда обыватели всякихъ званій и промысловъ, побросавъ свои обычныя занятія, взялись за оружіе, — американское возстаніе 1776 года. Американцы, быв-

шіе выселенцы изъ Англіи (на подобіе сибиряковъ-переселенцевъ изъ Россіи), не хотѣли платить налоги въ Англію и покупать товары по той цѣнѣ, которую назначали англичане; народъ упрямый и настойчивый, они не побоялись довести дѣло до вооруженнаго сопротивленія, когда Англія переправила въ Америку солдатъ. Въ войнѣ за независимость, продолжавшейся 7 лѣтъ, американцы бились всѣ въ качествѣ добровольцевъ. Это былъ случай, еще неслыханный до тѣхъ поръ; и онъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе: никогда не приходилось видѣть европейцамъ всенародное возстаніе и всенародное ополченіе. Примѣръ такъ одушевилъ молодежь въ Европѣ, что многіе французы, нѣмцы, поляки отправились въ Америку сражаться вмѣстѣ съ геройскими ополченцами.

Скоро пришлось Франціи послѣдовать примѣру Америки. Въ 1789 г. началась великая французская революція, французскій народъ сбросилъ самодержавіе и добился свободнаго строя. Когда король завелъ измѣнническія сношенія съ иностранными государями, французы совсѣмъ отмѣнили монархію, ввели у себя республику и провозгласили всеобщее равенство правъ; они приглашали къ тому же самому другіе народы. Самодержавныя правительства другихъ странъ, испугавшись за свое существованіе, начали войну противъ Франціи; къ нимъ присоединилась Англія, которая хотя имѣла свободное устройство, но враждовала съ Франціей изъ-за морской торговли. Враги грозили задавить молодую французскую республику; армія ея, набранная по

старому изъ наемниковъ, была въ 5 разъ меньше наступавшихъ на неё союзныхъ войскъ.

Тогда впервые во Франціи прибѣгли къ призыву добровольцевъ. Впервые заговорили о патріотизмѣ, какъ жертвѣ гражданъ для общаго отечества въ минуту крайней опасности. Молодежь всѣхъ званій горячо отозвалась на призывъ; армія увеличилась почти вдвое. Но этого было мало для отраженія враговъ. Вожди революціи, составившіе временное правительство, объявили *принудительную военную службу*; это и былъ первый случай примѣненія въ Европѣ всеобщей воинской повинности. Благодаря такой мѣрѣ Франція смогла довести свое войско до 1 милліона; она не только отразила нападенія самодержавныхъ правительствъ, но и взяла верхъ надъ половиной Европы.

Въ 1793 г. когда объявлялась всеобщая воинская повинность, положеніе Франціи было отчаянное; да и мѣра была отчаянная, и многимъ казалось, что средство борьбы съ опасностью хуже самой опасности. Какъ можно дать всѣмъ гражданамъ въ руки оружіе? а если они примѣнятъ его другъ противъ друга? Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ и случилось. Крестьяне западной Франціи, далекой отъ нападенія непріятеля, не захотѣли идти въ военную службу: изъ нежеланія жертвовать жизнью въ защитѣ своихъ согражданъ, они готовы были лучше отдать свою жизнь въ междоусобіи съ ними. Поэтому деревни области Вандеи пошли противъ республики подъ предводительствомъ дворянъ и священниковъ, которые въ свою очередь завели измѣнническія

сношенія съ внѣшнимъ врагомъ. Не мало труда стоило подавить вандейское возстаніе.

Нелегко было вводить всеобщую воинскую повинность и въ другихъ странахъ Европы. Пруссіи пришлось послѣдовать примѣру Франціи лѣтъ 20 спустя послѣ того, какъ французская республика объявила принудительную военную службу всего народа. Обстоятельства дѣла были такія:

Наполеонъ I разгромилъ Пруссію, отнялъ у нея половину владѣній и заставилъ её вдобавокъ служить себѣ: между прочимъ Пруссія должна была поставить вспомогательные отряды къ большому походу на Россію 1812 г. Когда Наполеонъ потерпѣлъ неудачу, и преслѣдовавшія его русскія войска вступили въ Пруссію, для правительства прусскаго не оставалось другого выхода, какъ присоединиться къ врагамъ Наполеона. Но страшный французскій императоръ уже вновь собралъ силы, и опять у него было больше войска, чѣмъ могла бы выставить Пруссія по своему старому способу вербовки наемниковъ. Пришлось повторить опытъ врага, заимствовать у него всеобщую воинскую повинность. За это дѣло взялись прусскіе дворяне-помѣщики, грубые, непривлекательные люди, но—надо имъ отдать справедливость — очень умѣлые, полные энергіи и сметки Они стали забирать въ ополченіе крестьянъ, только что освобожденныхъ отъ крѣпостного состоянія и очень непокойныхъ. Во многихъ мѣстахъ Пруссіи въ 1813 г. повторилось то, что произошло во французской Вандеѣ 1793 г. Призванные въ ополченіе, являясь на присягу въ церковь, громко выражали нежеланіе служить и расходились по домамъ; забранные въ отряды разбѣ-

гались по лѣсамъ, на нихъ приходилось дѣлать облавы, помѣщать ихъ въ крѣпости подъ надзоръ и охрану болѣе вѣрныхъ воинскихъ частей. Въ цѣломъ удалось собралось подъ ружье лишь половину всего количества назначенныхъ въ ополченіе

Надо сказать однако, что составленное съ такимъ трудомъ всенародное войско сражалось очень хорошо. Прежде прусскіе крестьяне надѣялись, что посторонніе завоеватели принесутъ имъ всѣ блага и дадутъ свободу; теперь они самой борьбой были приведены къ тому, что они ждать выгодъ отъ своихъ соотечественниковъ, съ которыми они вмѣстѣ сражались противъ иноземнаго врага. Способъ обороны, сначала, казалось, такой жестокій послужилъ крѣпкой спайкой для всего народа.

Въ Россіи населеніе до послѣдняго времени лишено было всякой самостоятельности. Поэтому нарожденіе патріотизма и воинственности въ русскомъ народѣ началось позднѣе и совершается медленнѣе. Когда у насъ въ 1872 г. вводили всеобщую воинскую повинность, сопротивленія не было никакого; народъ вѣдь вообще не сопротивлялся ни одной мѣрѣ правительства: для этого у него не было ни охоты, ни привычки, ни организаціи. Послушно, т. е. не разсуждая, безъ сознательности пошелъ онъ на великую войну 1914 г. Но вотъ въ мартѣ 1917 г., скинувъ самодержавіе, русскій народъ получилъ внезапно возможность распорядиться своей судьбой. И тутъ оказалось, что у него *еще нѣтъ національнаго сознанія*; части населенія, классы и области еще не спаяны общими чувствами взаимной выгоды. Патріотизмъ еще долженъ народиться въ мукахъ великихъ...

Въ Россіи прошелъ большой промежутокъ ме-

жду введеніемъ всеобщей воинской повинности. и настоящей пробой этого средства—болѣе 40 л, На западѣ, въ Америкѣ, во Франціи, въ Пруссіи. какъ мы видѣли, то и другое совпало: нація, на рождаясь, переживала смертельную опасность, принимала отчаянное средство и въ немъ же обрѣтала жизнь и крѣпкую внутреннюю связь. Въ Россіи устроили тяжелую повинность, прежде чѣмъ народъ самъ почувствовалъ необходимость единства. Потому можно сказать, что онъ теперь заново создаетъ себѣ всеобщее ополченіе, заново куетъ національное цѣлое.

VI.

Мы можемъ теперь отвѣтить на вопросъ, возрастаетъ-ли миролюбіе въ образованномъ и трудовомъ мірѣ Европы или усиливается воинственность. Мы можемъ отвѣтить и на другой вопросъ, задаваемый современностью: несетъ ли съ собою демократія миръ или войну?

Безъ всякаго сомнѣнія, соперничества, торговыя, промышленныя и земледѣльческія, возрастаютъ въ мірѣ. Увеличившееся всюду населеніе ищетъ приложенія своихъ рукъ, добивается новыхъ занятій, жаждетъ новыхъ земель. Всюду сталкиваются притязанія крупныхъ массъ, которыя заставляютъ правительства становиться на ихъ защиту.

Германія потому съ такой силой напираетъ на западъ, востокъ и югъ, что ей нужны: желѣзо и уголь Франціи и Бельгіи, хлѣбные урожаи Россіи, неразработанные края Азіатской Турціи; ей нечѣмъ въ тѣснотѣ прокормить своихъ многочисленныхъ промышленныхъ рабочихъ, свой безземельный сельскій людъ. *Имперіализмъ* германцевъ значитъ, что Германія хочетъ *расшириться* далеко за нынѣшніе предѣлы. Но такое расширеніе одного народа грозитъ многимъ другимъ въ свою очередь тѣснотой, сокращеніемъ земли или даже просто гибелью: вѣдь съ приходомъ германцевъ бельгійцамъ, полякамъ, румынамъ,

латышамъ, бѣлоруссамъ уже нѣтъ больше житья въ своей странѣ. Противъ такого неистоваго врага не существуетъ другаго средства, какъ безпощадная въ свою очередь борьба. Слѣд. войны не могутъ сейчасъ прекратиться: онѣ будутъ еще и еще свирѣпствовать среди человѣчества.

Каково отношеніе къ войнѣ демократіи, самостоятельныхъ націй? Противится-ли демократія войнѣ, несетъ-ли она съ собой миръ? Нѣтъ, и главнымъ образомъ потому нѣтъ, что нарожденіе демократіи, появленіе правъ народа, развитіе народной обороны не есть что-либо постороннее войнѣ, а это и есть усиленіе воинственности народа. Вѣдь не даромъ введеніе всеобщей воинской повинности совпало почти всюду съ объявленіемъ народныхъ правъ. Оно стало возможно только въ демократическій вѣкъ.

Появленіе демократіи въ новѣйшее время и развитіе воинственности тѣсно связаны между собою. Войны послѣдняго столѣтія выросли изъ народныхъ возстаній, изъ революцій. Онѣ служутъ или продолженіемъ революціи, какъ это было во Франціи при Наполеонѣ I, или ихъ затѣваютъ правительства для того, чтобы предупредить революцію, какъ это сдѣлали Вильгельмъ II и руководили нынѣшней Германіи.

Во Франціи въ эпоху революціи 1789 года выступили новые классы, которые потребовали себѣ земли, увеличенія заработковъ болѣе широкаго приложенія капитала: и торгово промышленная буржуазія, и крестьяне, и рабочіе, и люди умственнаго труда—всѣ хотѣли расширенія страны, пріобрѣтенія новыхъ богатствъ, большаго

простора для для своей дѣятельности. Поэтому войнами Наполеона I увлеклась вся нація, пережившая великій переворотъ революціи

Германія нашего времени, правда, еще не дошла до революціи. Но, можно сказать, правительство и руководящіе классы начали войну, чтобы найти своего рода громоотводъ противъ революціи. Имъ угрожала возрастающая сила рабочихъ, составившихъ самую могущественную партію въ странѣ. Соціалисты, отъ имени рабочихъ, требовали передачи орудій производства въ руки трудящихся, или, иначе говоря, предоставленія имъ всей прибыли предпріятій. Это требованіе было, по видимости, обращено *во внутрь* къ своимъ же согражданамъ. Но лишь по видимости; по настоящему же это и было требованіе завоеваній, *внѣшняго* расширенія страны. Торгово-промышленному классу, буржуазіи соціалисты предлагали выдать все достояніе, всѣ капиталы. Однако трудность не только въ томъ, что буржуазія не могла и не можетъ уступить всего. Даже если бы она это сдѣлала, такой уступки было бы слишкомъ мало для удовлетворенія возросшихъ требованій массъ; необходимы новыя внѣшнія пріобрѣтенія. Слѣдов. соціалисты съ неизбѣжностью пришли къ войнѣ; они сами, можетъ быть, незамѣтно для себя, искали войны.

Въ самомъ дѣлѣ для того, чтобы занять всѣхъ рабочихъ, чтобы возвысить ихъ заработки, надо увеличить ихъ сбытъ, завести новыя фабрики, пріобрѣсти желѣзные рудники и каменноугольныя копи; затѣмъ необходимо обезпечить расширенному составу рабочихъ предметы питанія, т. е. забрать плодородныя области, а это между про-

чимъ устроить еще множество сельскаго населенія, которому не хватаетъ сейчасъ земли въ тѣсныхъ предѣлахъ Средней Европы. Отсюда громадная программа завоевательнаго движенія, отсюда воинственность германской демократіи.

Война, начатая германскимъ правительствомъ, *отвлекла* массы отъ внутренней борьбы, но въ то же время она послужила *выполненію их желаній*. И вотъ въ этомъ смыслѣ можно сказать, что война примыкаетъ къ революціи. Поэтому-то мы и наблюдаемъ такое поразительное единство и сплоченность населенія въ современной Германіи; рознь партій ослабѣла сравнительно съ тѣмъ, что она представляла въ мирное время. Тутъ нельзя все объяснять привычкой народа къ дисциплинѣ, мастерствомъ организаціи; сто лѣтъ тому назадъ у германцевъ ничего подобнаго не имѣлось, разруха была еще хуже, чѣмъ у насъ. Тутъ есть большая внутренняя движущая сила, та самая, которая вызываетъ революціи и народныя возстанія. Вотъ почему, между прочимъ, жестоко ошиблись тѣ русскіе политики, которые вѣрили въ миролюбіе германской демократіи и жаждали сближенія съ нею черезъ головы правительства.

Отсюда ясный выводъ для нашей страны. Русская демократія только въ томъ случаѣ выживетъ, если станетъ воинственной, если вооружится съ ногъ до головы, если откинетъ врага со своей территоріи. Въ свою очередь война для насъ можетъ имѣть успѣхъ только въ томъ случаѣ, если она будетъ *народной*, какъ было народнымъ американское возстаніе, какъ была народной оборона революціонной Франціи съ 1793 г.

Вернемся еще разъ къ доводамъ интернаціоналистовъ, т. е. вѣрующихъ въ близкое общее замиреніе. Они приводятъ въ свою пользу слѣдующее. Никогда еще въ такой мѣрѣ не распространялся въ умахъ соціализмъ, ученіе о всеобщемъ мирѣ и братствѣ. Никогда еще не было прежде ничего похожаго на большіе международные конгрессы парламентскихъ ораторовъ и представителей рабочихъ, гдѣ принимаются единодушныя резолюціи о прекращеніи войнъ. Эти собранія особенно участились передъ войной; ихъ дѣятели надѣются опять собрать своихъ единомышленниковъ на такія же внушительныя демонстраціи въ пользу мира. Спрашивается, неужели всѣ горячіе протесты противъ войны не свидѣтельствуютъ о необычайной силѣ искреннѣйшихъ желаній? а столь сильныя желанія развѣ не способны привести людей къ поставленной цѣли?

Въ томъ-то и дѣло, что человѣкъ вѣчно ошибается относительно осуществимости своихъ желаній. Онъ забываетъ, что въ жизни вынужденъ слѣдовать тѣмъ путямъ и дѣйствіямъ, которыя не имъ затѣяны и не имъ налажены. Когда онъ видитъ передъ собой неминуемую войну, когда война свирѣпствуетъ, онъ ничего такъ не хочетъ, какъ ея остановки или прекращенія. Онъ готовъ вѣрить, что война возникла по волѣ какихъ-то опредѣленныхъ злонамѣренныхъ лицъ, и онъ собирается сокрушить эту волю силой своихъ противоположныхъ желаній. Онъ забываетъ при этомъ, что война — дѣло давнишнихъ соперничествъ между народами.

Нынѣшнія демократіи вступили въ наслѣдство старыхъ государствъ, которыя совершили

много захватовъ и создали много обидъ и много споровъ. Стоитъ только вспомнить раздѣлъ Польши между Пруссіей, Австріей и Россіей! Поправить эту несправедливость въ интересахъ польскаго народа можно не иначе, какъ войной, и притомъ только въ случаѣ рѣшительной побѣды тѣхъ силъ, которыя хотятъ искренне возстановленія Польши. Но возстановить Польшу не такъ просто. Въ ея составъ до раздѣловъ входили земли населенныя бѣлоруссами, украинцами, латышами, литовцами; входила также область, населенная германцами: это—низовье Вислы, выходъ къ Балтійскому морю, выходъ, который такъ желаютъ получить поляки при возстановленіи самостоятельности польскаго государства. Отойдутъ ли всѣ эти земли къ новой Польшѣ, или нѣтъ? И въ томъ, и въ другомъ случаѣ получатся новыя затрудненія, а слѣдоват. опасность новыхъ войнъ.

Другимъ примѣромъ невозможности рѣшить мирно застарѣлый, унаслѣдованный вопросъ можетъ служить Македонія, за которую ожесточенно борются болгары, сербы, и греки. Эта борьба началась, какъ только христіанскія народности Балканскаго полуострова освободились отъ подчиненія туркамъ. Но междоусобныя войны балканскихъ націй — ничто иное, какъ послѣдствія старинныхъ споровъ, которые происходили еще до прихода турокъ въ Европу.

Очень естественно, что демократіи, при своемъ первомъ выступленіи, продолжали прежнюю политику захватовъ. Такъ, Германія, только что успѣвшія принять демократическій обликъ, т. е. ввести у себя всеобщее избирательное право, во

франко-прусской войнѣ 1870 — 71 года отняла у Франціи двѣ области, крѣпко съ ней сросшіяся, Эльзасъ и Лотарингію. Если для присоединенія Эльзаса можно было выставить хоть тѣнь оправданія въ томъ, что эльзасцы—по говору германцы, то для чисто французской Лотарингіи не имѣлось и такого основанія; это было просто насиліе и грабежъ завоевателя.

Но войны, которыя ведетъ демократія, не только остатокъ старины, не только проклятое наслѣдство. Мы видѣли, что сама демократія выдвигаетъ новыя требованія, что она стремится къ расширенію государства, а отсюда возникаютъ и новыя войны. Надо прибавить къ этому, что, при демократическомъ строѣ, народъ совершенно иначе относится къ войнѣ, чѣмъ при самодержавномъ или аристократическомъ (т. е. при господствѣ немногихъ слоевъ высшаго класса).

Въ старину, когда связи между отдѣльными членами народа были слабы, обыватели могли равнодушно относиться къ уходу на войну какого-нибудь отряда наемниковъ, тѣмъ болѣе, что наемники нерѣдко были люди пришлые, чужіе странѣ, которая имъ платила деньги. Иначе стало теперь, въ вѣкъ демократіи и самостоятельности націй. Какъ уклониться отъ войны народовъ рабочему, выдѣлывающему ткани, или проповѣднику, объясняющему народу его права, или земледѣльцу, питающему страну хлѣбомъ? Какъ бы теперь могъ бельгійскій ученый не участвовать всей душой въ отчаянной борьбѣ за жизнь и смерть своего маленькаго народа? Какъ русскому крестьянину сибиряку не вступиться за права латыша, у котораго германцы отняли землю? Какъ

въ свою очередь германскому рабочему не поддержать своихъ купцовъ и военныхъ, которые добиваются сбыта произведеній германской промышленности въ странахъ Востока, въ Турціи, Аравіи, Индіи, Египтѣ?

Нельзя, немыслимо уйти отъ поддержки своихъ согражданъ и единоплеменниковъ, потому что каждый изъ насъ связанъ съ ними сотнею всякаго рода узъ. Люди, принадлежащіе къ одному государству, привыкли давно столковываться между собою; а по мѣрѣ того, какъ націи становились самостоятельнѣе, онѣ крѣпче сплочивались въ своей внутренней жизни. Какъ бы ни были рѣшительны резолюціи, принимаемыя противъ войны, онѣ безсильны прекратить ее, потому что самыя искреннія желанія не могутъ устранить споры и соперничества.

Значитъ-ли это, что людямъ остается покориться тяжелой судьбѣ, воевать и воевать безъ конца? Нѣтъ выходъ есть, и онъ состоитъ въ томъ, чтобы избавиться отъ опасности войны: а это возможно для того народа, который силенъ и ни отъ кого на свѣтѣ не зависитъ.

Вспомнимъ только, какъ началась война, что сдѣлало ее возможной. Вѣдь Германія поспѣшила начать военныя дѣйствія лѣтомъ 1914 года потому, что считала своихъ противниковъ неподготовленными. И оказалась права; въ теченіе трехъ лѣтъ она пользуется перевѣсомъ потому, что противники еще не успѣли сдѣлать все то, что надо было раньше приготовить для отраженія германцевъ. Если бы эти мѣры были въ свое время приняты, если бы Англія имѣла уже всеобщую воинскую повинность, если бы Россія не

представляла разрухи отъ недостатка самодѣятельности, Германія не рѣшилась бы и поднимать войну. Все, что ей нужно въ видѣ торговыхъ и иныхъ выгодъ, она постаралась бы пріобрѣсти мирными переговорами, взаимными уступками.

Съ большой увѣренностью можно сказать, что *главная причина войны съ нами Германіи — наша слабость*, слабость во всемъ: въ промыслахъ, въ обработкѣ земли, въ просвѣщеніи, въ умѣньи подчинить людей порядку, въ устройствѣ продовольственнаго и желѣзнодорожнаго дѣла и т. д. Пока всѣ эти отрасли труда и управленія у насъ не наладятся, Россія будетъ заманчивой находкой для завоевателя, который прежде всего беретъ то, что плохо лежитъ.

VII.

Мы уже выяснили, что успѣхи демократіи въ Европѣ связаны съ усиленіемъ воинственности. Такъ, напр., Франція со времени своей великой революціи стала гораздо воинственнѣе, чѣмъ была раньше при самодержавіи. Англія сдѣлалась особенно воинственной въ послѣднее время, когда рабочіе получили главный вѣсъ въ ея государственной жизни; только теперь, когда ея строй преобразовался въ демократическій, стало возможно введеніе всеобщей воинской повинности.

Того же самаго надо ожидать и для Россіи. Если въ ней утвердится демократія, она выдержитъ и войну, она станетъ той сильной страной, на которую никто не посмѣетъ напасть. Но у насъ пока еще нѣтъ демократіи въ видѣ живой сложившейся силы; мы видимъ передъ собой только *матеріалъ для демократіи*. Этого матеріала ни въ одной странѣ міра нѣтъ въ такомъ богатствѣ и разнообразіи. Русскій народъ наиболѣе способный къ демократіи въ Старомъ свѣтѣ. Россія можетъ составить особый міръ, самъ по себѣ, вполнѣ самостоятельный и ни отъ кого не зависимый. Россія имѣетъ всѣ данныя, чтобы стать европейской Америкой.

У нея обширныя территоріи разныхъ климатовъ и почвенныхъ условій. У нея есть возможность открыть для обрабатывающей промышлен-

ности громадный внутренній рынокъ; фабрики и заводы усилятъ рабочія средства земледѣльцевъ, дадутъ имъ машины, обошьютъ ихъ, городъ поднимется благосостояніе крестьянъ и умственный ихъ уровень. Обратно, если работа сельскаго хозяйства будетъ обращена не на вывозъ, а на внутреннія нужды, она можетъ питать возрастающія фабрики, и питать такъ, какъ нигдѣ въ мірѣ.

Такой усиленный внутренній обмѣнъ будетъ гораздо полезнѣе и для духовной жизни нашего народа. Вѣдь и крестьянамъ, и промышленникамъ придется отказаться отъ чужихъ подпорокъ; надо будетъ бросить легкій способъ увеличивать свой доходъ заграничной продажей и пополнять свои орудія заграничной покупкой; и сельскіе хозяева, и промышленники должны будутъ заняться примѣненіемъ новыхъ напряженныхъ видовъ труда. А это значитъ: усилится предпріимчивость и изобрѣтательность какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и общества; трудовая масса умственно разовьется и поднимется на болѣе высокій уровень жизни.

Нашъ народъ еще въ другомъ смыслѣ обладаетъ матеріаломъ для демократіи: онъ къ ней расположенъ своими нравами. У насъ очень слабы предразсудки сословій, занятій и вѣроисповѣданія, мы не кичимся наслѣдственной славой, а между тѣмъ узкіе взгляды подобнаго рода очень мѣшали пробиваться демократіи въ Англіи, Франціи, Германіи. Дѣятели нашей науки, нашей литературы никогда не замыкались высокомѣрно отъ массы народной. Нѣтъ другой страны въ

мірѣ, гдѣбы образованные (интеллигенція) люди были такими искренними демократами, какъ у насъ.

Силъ, талантовъ, способностей у насъ достаточно для того, чтобы построить демократію. Но эти великолѣпныя данныя надо сплотить и организовать. Если намъ удастся такое торжество демократіи, прекратится и опасность войны. Мы будемъ внушать уваженіе другимъ народамъ и на насъ перестанутъ смотрѣть, какъ на расточителей, какъ на плохихъ безтолковыхъ хозяевъ, у которыхъ можно безнаказанно отнять все, что угодно.

Тогда мы дѣйствительно избавимся отъ войны.

А идеалъ всеобщаго мира народовъ? Неужели онъ составляетъ чистѣйшій самообманъ, безосновательную, дѣтскую мечту? Неужели ему не суждено никогда осуществиться? Но въ такомъ случаѣ откуда же берется эта упорная вѣра? Что это за странный, неискоренимый предразсудокъ.

Нѣтъ, представленіе о возможности мира народовъ не есть ни предразсудокъ, ни пустая мечта. Въ немъ надо признать вѣрное предвидѣніе грядущаго порядка жизни человѣчества. Ошибка не въ *существѣ* ожиданія, а въ увѣренности *скораго* его выполненія. Всеобщій миръ можетъ поступить, но не такъ быстро, какъ его ожидаютъ, а главное къ нему приведутъ не тѣ пути и средства, которыми надѣются его приблизить.

Тѣ, кто ждетъ немедленнаго наступленія всеобщаго мира не нынче, завтра, строятъ свои планы на возможности взаимныхъ уступокъ. Но при этомъ они забываютъ, что нѣтъ той высшей

силы, которая бы заставила борющіяся стороны сдѣлать требуемыя уступки. Предлагать же миръи сближеніе борцамъ въ то время, когда одни побѣждаютъ, а другіе терпятъ утѣсненіе, — не справедливо и непрактично. Побѣдитель только ядовито посмѣется на предложеніе, а побѣжденному говорить о братствѣ не значитъ-ли подавать камень, когда онъ проситъ хлѣба?

Въ данное время демократіи воинственны и должны быть воинственными, чтобы сохранить свое существованіе. Въ данное время между ними большое неравенство, и болѣе слабыя, менѣе организованныя группы все равно не могутъ извлечь никакой пользы отъ мира. Ихъ задаватъ, поработятъ тѣ, кто болѣе предпріимчивъ, болѣе сплоченъ, болѣе приготовленъ къ борьбѣ. Этимъ болѣе слабымъ группамъ надо окрѣпнуть, надо обосновать свою *независимость*. Только въ томъ случаѣ, если они достигнутъ самостоятельной силы, наступитъ моментъ для настоящаго *прочнаго интернаціонализма*, для установленія взаимныхъ связей, основанныхъ на признаніи мощи и достоинства каждаго изъ сочленовъ международнаго союза.

Наиболѣе трудно будетъ положеніе малыхъ націй, бельгійцевъ, сербовъ, румынъ, литовцевъ, поляковъ—что достаточно ярко показала современная война, которая обратила ихъ въ скитальцевъ или рабовъ завоевателя. Онѣ спасутся только подъ крыломъ болѣе могущественныхъ народовъ, съ которыми вступятъ въ дружбу. Эту благородную роль можетъ взять на себя Россія, которая и сейчасъ соединяетъ, кромѣ господствующей національности, еще множесв народностей

малыхъ. Но для того, чтобы стать покровительницей слабыхъ, она сама должна выдти изъ состоянія слабости; она сама должна сдѣлаться мощной, вооруженной, ни отъ кого независящей демократіей способная дать должный отпоръ отъ всяческихъ на не посягательствъ.

БИБЛІОТЕКА
ЮРИДИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.